

ИННА ВРОНСКАЯ
ВЛАДА ШЕЛЕСТ

ГЕНЕРАЛ ЛЮБОВЬ в Москве

Инна Вронская

Генерал. Любовь в Огне

«Автор»

2026

Вронская И.

Генерал. Любовь в Огне / И. Вронская — «Автор», 2026

Схватка. Крик. Слова мужа в ушах пять минут назад, когда я застала его с молоденькой медсестрой за изменой.— Мил, да еще беременность твоя. Я терпел как мог. Запреты, постельный режим. Карина просто... она рядом оказалась. Готова на все. Она просто рядом, понимаешь? Схватка. Крик. И эта краля медсестра со звонким голоском.- Между прочим, Милана Сергеевна, каждый раз когда Вы приезжали в клинику на скрининг, Матвей был со мной! Прямо в этом кабинете! Схватка. Взрыв. Осколки окна летят прямо на соседнюю койку. Акушерка ахает. Северов, врач, — не поднимает головы. — Милана. — Голос его — твёрдый, как якорная цепь. — Смотри на меня. Только на меня. Больше никуда. Слышишь? ТУЖЬСЯ! От автора: Пока я рожала муж был с любовницей, а во время обстрела города он просто сбежал с партнерских родов. Мой смелый мальчик родился под звук выстрелов и громко кричал, ожидая помощи. Но я и не знала, что помощь придет в виде моего бывшего, генерала Быстрицкого. Вот только чего это будет мне стоить?

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Инна Вронская

Генерал. Любовь в Огне

Глава 1

— Это всего лишь роды, Мил. Каждая женщина через это проходит. Ты слишком всё преувеличиваешь.

Я слышу эти слова — и что-то внутри меня сжимается.

Матвей ведёт машину уверенно, одной рукой. Красивый профиль, крепкие плечи, дорогой костюм — даже сегодня в дорогом костюме.

Матвей Громов, директор строительной фирмы, всегда выглядит так, будто едет на переговоры. Я беру его руку — ту, что лежит на колене — и сжимаю. Он не сжимает в ответ. Просто позволяет держать себя. Как держат поручень в автобусе. За неимением лучшего.

— Матвей. — Голос у меня тихий. — Я боюсь. У Егора двойное обвитие. Северов сам говорил, что будет сложно. Побудь рядом сегодня. Пожалуйста.

— Я и так рядом. — Он смотрит на дорогу. — Везу тебя, нет?

Везёт. Да. Везёт. В лучшую клинику области, к лучшему врачу, на лучшей машине. Всё лучшее. Только руку не сжимает.

Я отворачиваюсь к окну.

За стеклом плывёт ноябрьский Ростов — голые деревья, мокрый асфальт, небо как застиранная простыня. Я прижимаю свободную руку к животу. К Егору. Он притих — не шевелится уже час, как будто чувствует, как натянута тишина в этой машине.

— Слышишь меня, малыш? — шепчу я одними губами, почти беззвучно. — Это мама. Я здесь. Я никуда не ухожу.

Никуда не ухожу. В отличие от некоторых.

Но этого я не говорю вслух.

Я просто держу Матвея за руку и смотрю в окно. И думаю, что семь лет — это очень долго. И что где-то в этих семи годах я, кажется, перестала замечать, как давно он перестал держать меня в ответ.

Клиника встречает нас теплом и тихим светом. Меня укладывают. Пожилая акушерка с натруженными добрыми руками щупает живот, говорит негромко: идёт, всё идёт, доктор Северов скоро будет, дышите ровно.

Матвей стоит у окна. В телефоне.

Я смотрю на него и вспоминаю, каким он был — давно, в самом начале. Как смеялся. Как однажды купил мне триста красных тюльпанов — просто так, в феврале, среди недели. Как говорил: ты моя, Милка, навсегда моя. Я тогда верила каждому слову. Я вообще умела верить — легко, без оглядки, всем сердцем.

Это дорого обходится — верить всем сердцем.

— Матвей, — говорю я. — Убери телефон. Хотя бы сейчас.

Он убирает. Смотрит на меня.

— Ну что?

— Ничего. Просто побудь. Молча. Просто рядом.

Он садится на стул у кровати. Молчит. Я закрываю глаза и слушаю, как за стеной плачет чей-то новорождённый — пронзительно, требовательно, на весь коридор. Живой звук. Самый живой звук на свете.

Скоро так закричит мой Егор.

Наш. Который семь лет не получался. Три попытки ЭКО — три раза, когда я смотрела на тест и у меня тряслись руки. Два раза, когда он оказывался отрицательным, и я сидела на холодном полу ванной и выла в полотенце, чтобы Матвей не слышал. Один раз — когда наконец две полоски. Наконец.

Я помню, как показала ему тест. Он посмотрел. Кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь картинка полная.

Картинка. Я тогда сделала вид, что не расслышала.

Схватки приходят раньше срока. Острые, длинные, они скручивают меня в кольцо и не отпускают. Я дышу — вдох-выдох, вдох-выдох — так, как учили на курсах. Куда Матвей не пришёл ни разу. Некогда. Дела. Ты умная, сама разберёшься.

— Матвей. — Я едва выдыхаю его имя. — Позови акушерку. Мне плохо. Схватки сильные, очень сильные.

— Сейчас найду. — Он встаёт.

— Не уходи далеко. — Я хватаю его за руку. Крепко. — Слышишь? Не уходи далеко. Мне страшно одной.

Он смотрит на мою руку. На меня. Что-то мелькает в его глазах — что-то, что я не успеваю поймать.

— Я быстро, Мил. Две минуты.

Дверь закрывается.

Я смотрю на неё. И жду.

Десять минут. Двадцать. Схватки идут одна за другой, без передышки — тело моё работает само, без его разрешения, без его присутствия. Я жму кнопку вызова. Приходит медсестра. Смотрит. Говорит: скоро в родзал. Где муж?

— Придёт, — говорю я.

Час.

Целых полчаса.

Я встаю.

Коридор длинный. Я иду вдоль стены, касаясь её ладонью — холодный бетон под пальцами, холодный свет сверху. Схватка бьёт на полпути. Я останавливаюсь. Прижимаюсь лбом к стене и стою так — долго, пока боль не откатывает.

— Матвей? Матвей, ты здесь?

В конце коридора — дверь процедурного кабинета. Приоткрыта. Полоска жёлтого света выдает чьи то тени.

Я толкаю её.

И застываю.

Матвей стоит у окна. Рыжеволосая медсестра — молоденькая, с ямочками на щеках — прижимается к нему. Его руки у неё на талии. Её лицо запрокинуто вверх. Они не видят меня. Им не нужно — им хорошо вдвоём, здесь, в этом жёлтом свете, пока я в ста метрах от них хожу по стенке от боли и жду.

Три секунды я смотрю на это.

Три секунды — и семь лет рассыпаются в пыль.

Я разворачиваюсь. Делаю шаг назад. И тут за спиной — его голос.

— Милана?

Он увидел меня.

Я останавливаюсь. Не оборачиваюсь. Стою спиной к нему посреди коридора и слышу, как он выходит из кабинета. Как закрывает за собой дверь. Как подходит.

— Мил, послушай...

— Не надо. — Голос у меня чужой. Ровный. Не мой. — Не говори ничего.

— Это не то, что ты думаешь.

Я оборачиваюсь.

И смотрю на него. На этого красивого, холодного, безупречного мужчину — который семь лет был рядом и никогда не был рядом. Который делал всё правильно — и не сделал ни одной настоящей вещи. Который вёз меня сегодня в клинику и не сжал мою руку в ответ.

— Матвей. — Голос не дрожит. — У меня схватки. Я рожая твоего сына. А ты здесь.

Он молчит секунду. Потом — и вот тут я не ожидаю — выпрямляется. Смотрит мне в глаза. И говорит:

— Мил. Ты хочешь честно? Давай честно. Я устал. Семь лет я ждал. Семь лет врачи, клиники, уколы, твои слёзы, твои истерики. Семь лет я тащил всё это на себе. Ты думаешь, это легко — жить рядом с женщиной, которая только и делает, что страдает?

Я смотрю на него. И не верю своим ушам.

— Ты... что?

— Да еще беременность твоя. Я терпел как мог. Запреты, постельный режим. Карина просто... она рядом оказалась. Готова на все. Она просто рядом, понимаешь?

Внутри — абсолютная тишина. Такая, что слышно, как гудит лампа под потолком.

- Между прочим, - противный девичий голос вклинивается в разговор. — Каждый раз когда Вы приезжали в клинику на скрининг, Матвей был со мной!

Матвей кашляет и смотрит на свою любовницу убийственным взглядом.

— Ты только что сказал мне это, — произношу я медленно. — Здесь. Сейчас. Пока я рожая?

Он не отвечает.

Схватка разрывает меня — прямо здесь, в коридоре, у всех на виду. Я хватаюсь за стену. Сгибаюсь пополам.

Матвей делает шаг ко мне.

— Не трогай меня, — говорю я сквозь зубы. — Не смей.

Как это странно, но слез нет совсем. Все мое тело сосредоточено на том, чтобы дать новую жизнь, а не разбираться с мужем козлом.

Я выпрямляюсь. Разворачиваюсь. И иду обратно — одна, вдоль холодной стены, считая шаги.

Раз. Два. Три.

Дыши, Милана. Дыши.

У тебя сын. У тебя Егор.

Он ждёт тебя.

Только ты ему нужна.

Только ты.

Я захожу в палату. Ложусь на кровать. Кладу руки на живот.

Дверь открывается в палату заходит доктор Северов. Он широко улыбается, пытаюсь меня приободрить. Даже не зная, что сейчас происходит в моей душе.

- Милана, вы готовы? Надеюсь, этот день будет самым счастливым днем в Вашей жизни! А где же Ваш драгоценный муж?

Глава 2

Родовой зал светлый, тёплый, маленький. Меня перекадывают на кровать. Акушерка — крупная, быстрая, с натруженными добрыми руками — что-то говорит, но слова доходят как сквозь вату. Схватка накатывает — огромная, безжалостная — и я хватаюсь за поручень и только дышу. Вдох. Выдох. Вдох.

— Молодец, — говорит Северов рядом. — Вот так. Хорошо дышите.

Между схватками — короткие паузы. Я лежу и думаю об Егоре. Только о нём. Каким он будет. Тёмные волосы — это от меня. Упрямый подбородок — от Матвея, никуда не деться. Красные пинетки — я видела их в магазине ещё летом. Маленькие, блестящие, смешные. Думала: вот Егорка подрастёт немного.

Вдруг дверь открывается.

И он заходит.

Румяный. Причёсанный. Пахнет — я чувствую даже отсюда, за три метра — чужими духами. Сладкими, цветочными, тошнотворно знакомыми. С виноватой улыбкой — той самой, мальчишеской, которая когда-то давно казалась мне обезоруживающей.

— Прости, Мил. — Он подходит к кровати. Голос — мягкий, домашний, как всегда, когда нужно сгладить. — С парковкой была история. Час место искал.

Я смотрю на него.

Молчу.

Он стоит и улыбается. Ждёт привычного — всё нормально, хорошо, что пришёл, я не сержусь. Семь лет я так говорила. Семь лет.

Я сжимаю поручень — крепче, ещё крепче — пока не белеют костяшки. Чтобы не сказать вслух то, что кричит внутри. Потому что здесь Северов. Потому что здесь акушерка.

Матвей берёт телефон.

— Матвей. — Голос у меня чужой. Ровный. — Убери.

Он убирает. Встаёт у кровати. Берёт мою руку — правильно, как учили на курсах, куда он не ходил. Картинка партнёрских родов. Всё по протоколу.

Я смотрю в потолок.

— Да пошел ты, — говорю я тихо.

Тишина. Мой крик.

- Ненавижу тебя.

Схватка. Крик.

— Мил, не сейчас.

Он смотрит в сторону. Молчит.

И тут — взрыв.

Сначала я думаю — внутри меня. Что-то лопнуло. Что-то оборвалось насовсем. Но нет — стекла. Стёкла дрожат — мелко, долго, как живые. Весь зал вздрагивает. Свет гаснет — резко, без предупреждения — и секунду мы все стоим в темноте и тишине. Абсолютной. Звенящей.

Потом включается аварийное освещение — жёлтое, тусклое, больничное. И коридор взрывается звуком. Топот. Крики. Чей-то голос — громкий, командный: «Обстрел! Эвакуация по протоколу, персонал — по местам!»

Северов не двигается с места. Стоит там, где стоял. Смотрит на меня — только на меня.

— Милана. — Голос — ровный, как горизонт. — Мы продолжаем. Слышите? Что бы ни было снаружи — мы с вами продолжаем.

— Да, — говорю я.

И краем глаза вижу Матвея.

Он стоит у двери. Лицо — белое, как известь. Глаза бегают — по окну, по двери, по трясущимся стёклам. Он оглядывается на меня. Потом на дверь. Потом снова на меня.

В его глазах я читаю всё. За секунду. За семь лет я научилась читать его без слов.

— Матвей, — говорю я.

Он смотрит на меня. Смотрит — и я вижу, как в нём что-то решается. Быстро. Окончательно.

Он разворачивается. Толкает дверь. И уходит — быстро, не оглядываясь. Дверь закрывается за ним с тихим щелчком. Такой тихий звук — для такого громкого конца.

Акушерка ахает. Северов — не поднимает головы.

— Милана. — Голос его — твёрдый, как якорная цепь. — Смотри на меня. Только на меня. Больше никуда. Слышишь?

— Слышу, — говорю я.

— Давай, мамочка. Ты сильная. Я вижу. Давай.

За окном — второй взрыв. Ближе. Стёкла не просто дрожат — один треснул, по диагонали, некрасиво. С потолка сыплется белая пыль — тонкая, как мука, как пепел. Акушерка крестится — быстро, одним движением — и сразу берётся за дело. Где-то в коридоре плачет ребёнок. Чужой. Уже рождённый. Уже живой.

А мой — ещё нет.

— Андрей Павлович, — выдыхаю я. — Я боюсь. За Егора боюсь. Только за него.

— Он идёт хорошо, — говорит доктор. — Слышите? Он упрямый, ваш мальчик. Он хочет родиться.

— Он не знает, во что родится, — говорю я.

И сама не понимаю — смеюсь я или плачу.

Наверное — и то, и другое.

Схватка разрывает меня — огромная, последняя, такая, что весь мир сворачивается в одну точку боли. Я кричу — не сдерживаюсь, не думаю о том, как выгляжу — просто кричу. Из последних сил. Из всего, что осталось после семи лет и одного коридора и одной закрытой двери.

— Вот так! — голос Северова взлетает. — Вот так, Милана! Ещё! Давай!

И под звук третьего взрыва — далёкого, глухого, как удар судьбы — Егор кричит.

Громко. Пронзительно. Яростно.

На весь зал. На весь коридор. На весь этот страшный, разломанный, ноябрьский день.

Северов кладёт его мне на грудь — тёплого, живого, кричащего. Я прижимаю его к себе. Обеими руками. Крепко. Так, как не держала никого и никогда в жизни.

И тут — плачу.

Не сдерживаюсь больше. Не могу. Слёзы текут сами — горячие, быстрые, беззвучные. Я плачу и прижимаю Егора и чувствую, как он кричит у меня на груди — требовательно, сердито, живо — и его крошечное тело вздрагивает от каждого вдоха.

— Егорка, — шепчу я сквозь слёзы. — Егорка. Это мама. Привет, мой хороший. Привет, мой родной.

Он замолкает на секунду. Как будто слышит. Как будто узнаёт.

— С сыном вас, мамочка, — говорит Северов тихо.

Я смотрю на Егора — на его сморщенное красное личико, на крошечные сжатые кулаки, на тёмные влажные волосики — и думаю: вот ты какой. Вот ты, значит, какой. Семь лет. Три попытки. И вот — ты.

Живой.

Мой.

По коридору несётся топот. Кто-то кричит об эвакуации. Северов что-то говорит акушерке — быстро, чётко, другим голосом. В окне — зарево. Где-то горит.

А я лежу. Держу Егора. И плачу — тихо, не останавливаясь — о семи годах, о трёх попытках, о коридоре, о белом лице у двери, о тихом щелчке, с которым за Матвеем закрылась дверь.

И вдруг — дверь родовой открывается.

Я поднимаю глаза.

В проёме — силуэт. Высокий, широкоплечий, в тёмной одежде. Не белый халат. Не персонал клиники. Мужчина входит быстро, оглядывает зал мгновенно — как человек, который привык оценивать обстановку за секунду. Поворачивается к Северову.

— Доктор. Мне нужны все, кто не может передвигаться самостоятельно. Моя машина у входа. Сколько у вас таких?

Голос — низкий, спокойный. Не спрашивает. Констатирует.

Северов смотрит на него секунду.

— Двое. Она. — Кивает на меня. — И новорождённый.

Мужчина поворачивается.

Смотрит на меня.

Я смотрю на него сквозь слёзы — и вижу лицо, которое кажется смутно знакомым. Резкие черты. Седина на висках. Шрам через левую бровь. Глаза — тёмные, внимательные, без паники. Те глаза, что когда-то смотрели на меня с любовью и обожанием. Как будто в другой жизни...

В то время как весь мир вокруг рассыпается, я вижу его. Мою первую любовь. Ныне генерала Андрея Владимировича Быстрицкого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.